

Никита Цой

ВДОХНОВЕННЫЕ

ВНАЧАЛЕ БЫЛО ПЛАМЯ

Никита Цой

**Вдохновенные.
Вначале было пламя**

«Автор»

2026

Цой Н.

Вдохновенные. Вначале было пламя / Н. Цой — «Автор», 2026

Вдохновение — странная штука. Одним оно открывает море возможностей, других — делает заложниками собственного дара. От него нельзя избавиться, так же, как и от прошлого. Когда вдохновился он, все называли его Палёным, а его истинное имя перестали вспоминать. Но они не знали, что однажды именно сын вождя подарит им будущее и спасет племя от вымирания. Палёному предстоит доказать, что он не проклят, а избран богиней. Ему придется заставить всех вспомнить его имя и осознать, что из пепла способен появиться новый огонь. Увлекательное фэнтези приключение о странной гонке, в которой право завладеть единственным в мире безопасным местом заставляет людей делать противоречивые и жестокие выборы. И лишь победитель будет достоин дать имя неназванной земле.

© Цой Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Никита Цой

Вдохновенные. Вначале было пламя

Пролог

— Раньше много смельчаков к нам заявлялось. Помнится, ещё лет тридцать назад, мне тогда было... — трактирщик стал считать на пальцах левой руки, хмуря оттопыренные брови.

Виновата в том старость, плохая память или же недостаток нескольких фаланг, а может, скупой набор извилин не позволил старику воспользоваться правой, чтобы облегчить себе задачу, но сосчитать задуманное у него не вышло.

— Ай, башкой шевелить — только богиню злить. Молодой я тогда был, вот, — продолжил говорить он. — Со всего света к нам прибывали тогда эти... экспедиции. Вечно уставшие, вечно ноющие, голодные. Дикие земли никого не щадят. Ни сильных, ни слабых, ни даже богатых. Луносвет всё растёт в цене с каждым годом, а развеять им сполохов больше, чем богиня задумала, никак ведь нельзя. Вот и жгут кристаллы налево направо, трусы несчастные.

Тут он сообразил, что, вероятно, сказал лишнего и потому поспешил объясниться, размахивая перед собой грязной тряпкой:

— Но вы, госыпода, я вижу, не из робких. Давненько никто на форпост не захаживал. Мне казалось, все уж забыли, что остров-то парящий никому так и не покорился.

Перед ним стояли пятеро мужчин в серых дорожных плащах. При них не было ни мечей, ни топоров, ни захудалого арбалета. Во всяком случае, так могло показаться со стороны. Их уверенный шаг и неприкрытое любопытство во взглядах, коими незнакомцы удостаивали завсегдатаев сего заведения, выдавали куда больше, чем могло показаться неопытному глазу.

Он видел много вдохновенных. И эти ничем не отличались от других. Кроме одного — коренастого, но не больно могучего паренька, шедшего чуть позади. На вдохновенного был он не похож, от него не веяло эмиррой за версту, как от его товарищей, и всё же эмирровый след в нём ощущался. Видимо, дело в неуверенной походке, будто парень явился не в компании своих, а свои вели себя так, будто он не с ними.

— Как я сказал, смельчаков, навроде вас, уже немало было раньше. Но вы, как мне кажется, будете посерьёзней многих. По глазам вижу. В них есть обычно этот... как уж его там. Азарт! Местный бард — вон он под оленьими рогами сидит, тоже старый пердун уж, как и я — много песен тогда сочинял про таких, как вы. Пел он, мол, сердца ваши горят надеждой на то, что именно вам повезёт раскрыть тайну парящего острова и первыми ступить на единственную ещё неназванную землю.

Мужчины продолжили молчать и одновременно, как по команде, заняли места за барной стойкой. Четверо. Коренастый паренёк сел последним, будто он не с ними.

Трактирщик, недолго думая, налил каждому по чарке, ведь, несмотря на пыльные дорожные плащи и обмазанные грязью ботинки, незнакомцы не выглядели бедно. У одного из-под полурасстёгнутого ворота рубахи поблёскивала золотая цепочка; тот, что слева носил несколько серебряных перстней, удерживающих некие красные и зелёные камни; у коренастого паренька из-под подола плаща выглядывал добротный кожаный сюртук со стоячим воротником; а у того, что уселся по центру, под верхней одеждой виднелся обшитый золотистыми нитями белоснежный жилет, выглядывающий дорого.

— Говоришь, давно никто не захаживал? — хриплым басом поинтересовался последний. — А как же...

Он не договорил, поскольку внезапно всё вокруг задрожало. Казалось, сама земля загудела, будто в её глубине зарычал гигантский зверь или же где-то недалеко, в горах, коих в округе не наблюдалось, прошёл сокрушительный камнепад.

И насколько быстро эта дрожь началась, настолько же быстро она и закончилась.

Пятёрка гостей беспокойно переглянулась, но трактирщик поспешил их успокоить:

— Не пугайтесь, господа. То богиня гневается — градоначальник наш так говорит. Уже неделю как земля подрагивает. Правда, чего Азара хочет, никто пока что не понимает. Странно. Не припомню, чтобы Она хоть раз в дела людские вмешивалась.

Гости молчали, а коренастый паренёк после слов старика глубоко задумался, всматриваясь в свою кружку, содержимое которой всё ещё слегка дрожало.

— А чего люди раньше только не удумывали, но Азара так ни разу и не явилась, чтобы посмотреть, — продолжил разглагольствовать трактирщик, видимо, привыкший, что его всегда охотно слушают. — Хотя посмотреть было на что. Чаше всего к форпосту приходила толпа чужеземцев с баллистой. И все они считали, что первыми додумались попытаться протянуть до острова канат. Изобретатели хреновы. Потом все они уходили ни с чем. Некоторые, правда, возвращались через год или два с баллистой побольше. А затем снова уходили.

Ему показалось, что коренастый паренёк в капюшоне едва заметно усмехнулся его словам, но не придал этому значения и продолжил:

— Бывали и мечтатели с недурными, я вам скажу, инже... инженерными идеями. Выговорил-таки, Азара-мать его. Так вот, один такой хотел построить мост до острова. Повалил где-то целую кучу леса, приволок с собой отряд вдохновенных наёмников для денной и ночной защиты этой... коньструкции и в итоге разорился. Остатки того моста стоят до сих пор. Строили они, конечно, с размахом. Вона, снаружи отовсюду видно, даже за барьерные стены выходить не надо. Но не сложилось. Со временем сполохи побили многие опоры, часть пролётов обвалилась, а о продолжении стройки никто даже не думал. Вы, случаем, не с этой ли целью к нам прибыли?

Тот, что сидел посередине, молча осушил свою кружку. Остальные его спутники, как по команде, сделали то же самое. Четверо. Коренастый паренёк сперва снял обмазанные чем-то чёрным перчатки, открывая обезображенные застарелыми ожогами ладони, а затем чуть отпил.

— Мы не строители, — ответил мужчина в дорогом жилете, после чего устало вздохнул и облокотился на стойку, пододвинув кружку трактирщику.

Тот намёк понял, ведь хорошо умел понимать подобные намёки, и налил ещё. Всем четверым. После чего продолжил говорить:

— Значит, вы из других? Тех, кто считает, что секрет кроется под водой? Знаю и эту легенду. Будто бы Древние построили на дне озера некий механизм, удерживающий остров в воздухе. Паромщики с радостью доставят вас к центру. Однако же до вас пытались уже многие. Обвешивались луносветом с головы до ног и ныряли в поисках ответов. Правда, всплывали потом далеко не все. Я в эту байку не верю, но паромщики с радостью взяли на язык легенду о том, что ответ и впрямь кроется на дне, хоть никаких доказательств сему и нет. Доказательств нет, зато есть любопытные истории и сомнительные рассказы очевидцев о том, что если в центре озера окунуть голову в воду — безумцы хреновы, там же эмирра блуждает! — то можно услышать некий гул механизмов. Вы не из нырятелей, часом?

Один из гостей глухо усмехнулся. Тот, что сидел слева. В этот раз ответил он.

— Вода — не наша стихия. Так ведь, Палёный?

Он обращался к коренастому пареньку, сидевшему справа от всех. В ответ на недобрую усмешку товарища тот чуть нахмурился и торопливо отпил. Трактирщик данную усмешку запомнил и посчитал, что говорить лучше с остальными, не с Палёным.

— И хорошо. Вам же лучше, что сия стихия не ваша, — старик стал обращаться к мужчине, сидевшему в центре, сообразив, что главный, видимо, он. — Поскольку истории паром-

щиков только сильнее разжигают... эм... энтузиазм новых нырятелей. А потом они идут на дно, вместе со своим луносветом. Расточители хреновы.

— Слышал, вы наоборот радуетесь этому, — подал голос паренёк, звавшийся Палёным.

Трактирщик посмотрел на него с неким испугом, ведь услышал в его голосе то, что слышать раньше приходилось от людей, скрывающих в себе нечто тёмное, опасное. А потом перевёл взгляд на незнакомца в жилете, ведь главным среди гостей был, очевидно, он.

— А как иначе выживать-то? — старик принялся нервно протирать стойку. — Иногда наши ходят к центру озера и вылавливают утопших сетями. Кристаллы нам нужнее, чем ним, а тела... Негде их хоронить, судари. В озере их и оставляют. С тех пор, как эти... экспедиции перестали приходить, живётся нам несладко. Нет у нас этой, как её там... Юрисдикции, вот. Налоги никто не платит, потому что некому их собирать, стало быть, и от сполохов нас никто не защищает. Денег нет, проще говоря. Мы пытались сделать пошлину на жильё здесь, но обирать тех, кто отдавать честно нажитое не хочет тоже некому. Дружине ж чем-то надо платить. Поэтому не судите нас за наши порядки. А таким, как вы мы всегда рады. Вам что же, госьпода, спальные места нужны? У меня все сейчас свободны. Все три этажа. Эти... из Амана, что пришли на прошлой неделе, они не захотели спать на моих койках. Сказали, лучше в палатке, чем... в общем, тут.

Казалось, последние слова заинтересовали каждого из загадочной пятёрки гостей. Они, как по команде, переглянулись, а тот, что сидел по центру, спросил:

— Есть и другие?

— Эть, Азара-старуха, я ж с этого и хотел начать! — с этими словами трактирщик хлопнул себя ладонью по лбу.

Немногочисленные извилины не подсказали ему перед этим выпустить из руки тряпку. Старик сделал вид, что так и задумывалось, после чего продолжил:

— Я ж говорил — раньше было много смельчаков. Но уже лет тридцать почти никто к нам не захаживал. И вот те раз! Заявляются сначала эти пустынные, неделю назад, а следом за ними и вы. Да ещё и заявляют, что совершенно точно нашли способ попасть на парящий остров! Вы, кстати, тоже такой способ, видимо, знаете, раз пришли?

Загадочные гости вновь переглянулись, после чего в воздухе запахло озоном, а в трактире стало жарче. Жар исходил от коренастого паренька, сжавшего кружку до белых, изуродованных ожогами костяшек.

— Э, не-не-не, госьпода вдохновенные! — закричал старик и от него вдруг тоже пахнуло озоном.

Коренастый парень чуть не уронил голову на стойку, прикрыв затуманенные сполохом глаза, а из-под капюшона выпало несколько прядей тёмных волос. Потом он вдруг резко выпрямился, махнул головой и бросил наполненный угрозой взгляд на трактирщика, посмеявшегося насладиться сонным наваждением. Его карие глаза отливали алым оттенком, отчего казалось, будто в них бушует пламя. Жар усилился.

— Тут сполохами бросаться только мне дозволено! — наставительно сказал старик, пригрозив парню пальцем. — Правила такие. Держите своё вдохновение при себе!

— Прекрати, сын, — сказал мужчина в дорогом жилете, бросив на Палёного хмурый взгляд, после чего запах озона исчез. — Раз аманцы пришли неделю назад и ещё не на острове, значит, у них тоже не всё гладко. Старик...

— Корином меня кличут. Старый Корин.

— Как скажешь, Корин. Верин моё имя, Верин Дрег. Расскажи, почему пустынные ещё на земле?

— Да кто ж их знает? — старик почесал затылок, не выпуская тряпки. — Вы ж все свои удумки скрываете до поры. Потом, когда провизия да золото с серебром начнут заканчиваться,

всё равно торопиться будете, как и все, кто был до вас. Только б не баллиста у них была, а то один смех уже на такое смотреть. Вы ведь тоже не расскажете, с какой затеей к нам пришли?

Мужчина по имени Верин повернул голову, бросив обеспокоенный взгляд на коренастого паренька. Тот взгляд отца заметил, как и понял ход его мыслей. Коротко кивнул.

После этого Верин Дрег поднялся, развернувшись лицом к немногочисленным завсегда-
тням. Он распустил завязки плаща, и тот с лёгким шорохом упал к ногам, открыв широкие
плечи и мятую серую рубаху, подкатанную до локтей. Ладони его были чёрствые, сухие от
мозолей, а лицо украшал широкий шрам от ожога, протянувшийся от щеки к шее, уходя вниз,
под ворот. Ореховые глаза медленно прошлись по каждому посетителю трактира, убеждаясь,
что все точно слушают. А потом он громко, чётко выделяя каждое слово, заговорил:

— Я хочу, чтобы все здесь знали! Мы — жители диких земель, свободные люди, не под-
чиняющиеся никому из владык! Такие же, как и вы все, граждане форпоста Неназванный. И
мы заявляем своё право стать первыми, кто ступит на земли парящего острова!

По залу пронеслась волна тихих смешков, а пол снова задрожал, будто богиня вторила
этому смеху. Казалось, никто из местных даже внимания не обратил на эту дрожь. Трактирщик
дождался, когда тряска закончится, иронично улыбнулся и покачал головой.

— Значит, из Диких ваше племя. А вы, полагаю, вождь? И как я сразу-то не догадался.
Простите нам, обычным людям, такую реакцию. Не вы первые читаете эту браваду. Аманцы
тоже что-то подобное сказали неделю назад. И все, кто был до них. Я ж говорил — много
раньше было смельчаков, но никому ещё не покорился остров.

Верин Дрег, вождь последнего выжившего племени Диких, гордо вытянулся и тихо ска-
зал:

— Он покорится тем, у кого нет пути назад.

Глава 1

Солнце нещадно палило дикие земли, высушивая и без того редкую поросль травы. Остатки зимнего ветра периодически поднимали столбы пыли, которые любой несведущий в божьем промысле или, проще говоря, — не вдохновенный — мог легко спутать со сполохом. Впрочем, сполохи здесь тоже частенько блуждали. Но всегда разбивались о полуразваленные, однако вполне себе надёжные барьерные стены единственного поселения в округе.

Форпост Неназванный встретил караван тишиной и любопытствующими взглядами местных. Слух о ещё одной экспедиции по маленькому городку разошёлся быстро, и так же быстро он дошёл до аманцев.

И потому в старой, выщербленной временем каменной арке ворот, обложенной по контуру сияющими кристаллами луносвета, стояла группа вооружённых людей. Мечи их покоились в ножнах, а плащи были откинuty за плечи, вероятно, чтобы эти ножны было видно. Их смуглые лица казались покрытыми сажей, а глаза даже издали отдавали глубокой чернотой.

Один из них встал по центру прохода и вытянул ладонь вперёд.

Крытая повозка, запряжённая двумя рыжими лошадьми, остановилась, когда хмурый седой мужчина в мятом кафтане потянул поводья. Весь остальной караван последовал его примеру.

Из повозок стали выходить люди. Мужчины. Все крепкие, одетые просто, без излишеств. Их куртки и плащи все до единого были сшиты из оленьих шкур, что человек, перегородивший им путь сразу приметил. Каждая из таких одежд, помимо прочего, служила ещё и неплохим доспехом, который хоть и не сдержит прямой удар меча, зато поможет этого удара избежать, позволяя легко и быстро двигаться в бою.

Мужчина в воротах опустил руку и зашагал вперёд, бренча тяжёлой кольчугой, спрятанной под бордовым с позолотой плащом.

Остальные его спутники перегородили собой проход. Однако это не мешало местным зевакам с любопытством наблюдать происходящее. Старый рыбак опирался о невысокий забор, покуривая трубку, и наблюдал; невысокая сгорбленная женщина в платке отвлеклась от работы на грядках, организованных в палисаднике простой деревянной избы, и наблюдала; двое мужчин, переносивших некую большую коробку, набитую неким нелёгким барахлом, остановились посреди дороги, сели на эту самую коробку и наблюдали. Один паренёк всё же осмелился подойти к вооружённым людям ближе, но те что-то на него рывкнули, а потом положили руки на эфесы мечей, после чего любопытный юноша развернулся и убежал прочь. Местные проводили его взглядами, кто-то покачал головой и усмехнулся, а потом все продолжили наблюдать.

— Кто такие? — громко спросил мужчина в кольчуге, остановившись в десятке шагов от ведущей караван повозки.

Тон его голоса был явно недружелюбным.

— С кем имею честь? — спокойно ответил возничий.

Мужчины, появившиеся из повозок, ближе не подходили, но молча сверлили вооружённого незнакомца подозрительными взглядами.

— Мне велено не впускать на форпост никого из чужеземцев, — продолжал говорить тот. — Вам придётся уйти.

— А кем велено-то, уважаемый?

— Тем, кто вскоре будет править этими землями. Уходите!

Возничего его слова ничуть не смутили. Он с задумчивым видом разжёвывал тростинку, почёсывая седую щетину, а потом медленно протянул:

— Так вы, выходит, тоже не местные. Не слышал, чтобы форпост Неназванный дружиной обзавёлся. Неужто экспедициям здесь больше не рады?

— Не рады. Уходите!

И будто в подкрепление его словам, внезапный порыв ветра ударил в лицо возникшего, унеся с собой его тростинку. А когда всё стихло, тот сплюнул, как-то невесело, даже раздражённо, усмехнулся, после чего продолжил говорить:

— Сомневаюсь я, что получится. Узнаю ваши одежды. И клинки тоже. Аманские скимитары — пустынное оружие. Видите ли, мы тоже проделали долгий путь и назад идти нам некуда. Видит Азара-мать, мы устали. А когда люди устают, то становятся злыми. Наши вдохновенные столько дикой эмирры впитали по пути сюда, что скоро лопнут. Да я и сам, уважаемый. Руки чешутся сполохом побросаться. Азара разрешает, когда надобность есть.

Незнакомец в кольчуге, судя по его охмуревшему взгляду, угрозу понял, но не испугался и даже не взялся за меч. Он продолжил всё тем же требовательным тоном:

— Свои сполохи применяйте где-нибудь в другом месте! Дикую эмирру притянете, а здесь и так стены ненадёжные. Такое безрассудство местным жителям ни к чему.

— Так а вы почём знаете, уважаемый? Давайте у них и спросим, — с этими словами возникший прыгнул с повозки и подошёл к напыщенному незнакомцу ближе. — Но лучше бы у богини спросить.

Аманец продолжал стоять с каменным лицом, будто ничто на свете не могло смутить этого человека. А возможно, он храбрился тем, что его товарищи вооружены, одарены богиней и находятся неподалёку.

— Не доводите до...

— Как звать тебя, аманец? — хрипло потребовал возникший, в мгновение растеряв последние остатки почтительности. — Хочу знать имя того, кто попытался помешать мне привести семью в безопасное место. Того, кто не знает, каково это — потерять дом и будущее. Считаешь себя решительным? Так назовись, наглец.

Остальные шестеро в бордовых плащах зашагали к ним, поскольку назревающий конфликт уловили. Один из них шёл чуть позади и не так рьяно, как другие, будто происходящее его несколько не интересовало, но быть здесь ему приходилось по какой-то одной богине ведомой причине. Высокий, худой, с каштановыми локонами, со шрамом на щеке. Они остановились в двух шагах. Мужчины из каравана тоже не остались в стороне, хоть и подошли не так близко. У нескольких на поясах покоились мечи, а у остальных в руках были арбалеты.

— Я — Зубен из рода Элей, — представился аманец в кольчуге, гордо выпятив грудь. — Быть может, мы примем вас в форпосте позже. Наш лидер насилие не любит, но сейчас вам туда нельзя.

Пахнуло озоном, хотя грозы явно не предвещалось. Солнце назойливо опаляло всё, до чего могли дотянуться его лучи, а их блики задорно играли на золотистых окантовках плащей представителей пустынного народа.

Аманцы взяли за рукояти. Тот, что держался позади товарищей, вдруг оживился — его лицо посетила хищная улыбка, а он сам подался вперёд, явно намереваясь немедленно вмешаться в случае драки.

Тем временем возникший продолжил говорить недобрым тоном:

— Азара-мать этого не одобрит, Зубен из рода Элей.

— Она благоволит лишь решительным, — с этими словами Зубен тоже взялся за меч, а запах озона усилился. — Я видел эмирровый след и поярче твоего. Мои товарищи тоже не обделены даром богини. Уверен, что сдюжишь, старик?

— Я — Крон. Остальное у Азары спросишь.

— Как пожелаешь.

Меч аманца с лёгким шорохом начал покидать ножны, а мужчины с арбалетами подняли оружие на изготовку. Худощавый со шрамом хищно осклабился. Затем начался ветер, будто

сама природа желала воспрепятствовать племени Диких и прогнать их отсюда. А потом воздух содрогнулся от властного, громогласного голоса, донёсшегося со стороны форпоста.

— Прекратите!

Возничий Крон ещё несколько мгновений сверлил заносчивого аманца тяжёлым взглядом, равно как и тот его, а потом глухо выдохнул, разжал кулаки и сделал шаг назад, повинувшись слову своего вождя.

Зубен из рода Элей передумал обнажать меч, а вместе с тем стих и взявшийся не пойми откуда ветер.

Из ворот вышли пятеро на разномастных лошадях. Верин Дрег подал коня вперёд. Остальные его спутники, как по команде, сделали то же самое. Палёный держался позади.

Достигнув группы разозлённых, уставших путников с одной стороны и гордых, заносчивых аманцев с другой, вождь медленно всех их осмотрел. От этого взгляда Дикие чуть расслабились, кто-то даже весело усмехнулся, однако уходить никто не стал.

— Быстро же здесь разносятся слухи, — сказал Верин Дрег, спешиваясь. — Кто тут у вас за старшего?

— Я — Зубен из рода Элей. У меня приказ будущего правителя этих земель — не пускать чужеземцев в форпост.

Глава племени подошёл к аманцу почти вплотную. Смотрел сверху вниз, поскольку рост вождя был не менее внушительным, чем уважение, коим он обладал среди своих.

— Будущего правителя, говоришь? — Верин Дрег криво усмехнулся собственным словам. — Не нынешнего? В таком случае, власти приказывать у вас здесь нет. Тут правит монета, и место постоя мы уже оплатили.

— Градоначальник вернёт вам деньги, — уверенно заявил Зубен из рода Элей.

После его слов ухмылка покинула лицо вождя. Он взглянул на аманца хмуро, с угрозой и в то же время с твёрдой уверенностью в том, что племя войдёт на форпост. А потом заговорил:

— Раз дело дошло до сполохов, значит, наш Ведун уже посвятил тебя в ситуацию?

— А как же, вождь. Не хотят они понимать, — подал голос возничий Крон.

— Они поймут, — не отрывая взгляда от аманца, сказал Верин Дрег.

Зубен из рода Элей отвечать почему-то не стал, а странный худой мужчина со шрамом на щеке подошёл ближе, спрятав руки под плащ.

Палёный это заметил, резко подал коня вперёд и перегородил ему путь.

— Даже не думай, — сухо сказал он, за что получил гневный взгляд странного аманца, будто его остановил тот, кто делать это права не имел.

Остальные трое, сопровождавшие вождя, как по команде, спешили и приблизились.

— Не теряйте времени, заходите в форпост, — бросил Верин Дрег через плечо. — Сопроводите караван до постоя.

— Мы вам не позволим. У нас приказ. Задержите повозки!

— Эй, Зубен, — внезапно подал голос тощий со шрамом. Он говорил лениво, голос его был жутким и скрипучим, а взгляд не отрывался от глаз Палёного, словно тот бросал ему вызов. — Ты погибнуть сегодня решил что ли?

Было непонятно, кому именно сказаны последние слова. Зубен из рода Элей решил, что ему и ответил:

— Не лезь, Хелгран, ты здесь не для этого.

— Это не экспедиция, а сборище беженцев, — всё так же лениво продолжил тощий со шрамом, а потом перевёл взгляд на товарища. — Посмотри на них — нормального оружия нет, половина с голыми руками на нас выбежали. Колёса скрипели, я аж за воротами слышал, их повозки собраны из хлама. Сомневаюсь, что они пришли штурмовать остров. Ну а если пришли за этим, то вряд ли у них это получится, — последние слова он совершенно точно

адресовал вождю племени, как и вождь племени совершенно точно понял, что слова эти адресованы ему.

Палёный тоже понял. В воздухе запахло озоном. Стало жарко.

Верин Дрег отвлёкся от заносчивых аманцев и положил покрытую мозолями ладонь парню на плечо.

— Спокойно, сын.

В тот момент Палёному захотелось сжечь человека со шрамом. Сжечь их всех. Высокомерных, упёртых, опасных. Всех, кто мешает ему доказать. Доказать, что он не бесполезен. А ещё он был уверен — человек по имени Хелгран это понял. По одному лишь его взгляду. И взгляд этот Палёного сильно испугал.

Человек по имени Хелгран понял и это. И потому хищно, по-садистски, улыбнулся парню в лицо.

— Сын, хватит!

Голос отца вывел его из омута, в котором смешались одновременно злость и страх. На лбу Верина Дрега проступило несколько капелек пота.

Палёный тряхнул головой, пытаясь избавиться от навязчивого взгляда аманца, отпечатавшегося в мыслях назойливым, пугающим пятном.

Мужчина со шрамом лишь хмыкнул. Видимо, это он тоже понял, а потом обратился к своим:

— Идёмте отсюда, — и пошёл обратно на форпост.

Зубен из рода Элей хотел что-то возразить, а его спутники нервно переминались с ноги на ногу, осознавая, что без Хелграна их шансы выжить в случае вооружённого конфликта невелики. В конце концов никто ничего не возразил.

Возможно, свою роль сыграло и то, что Верин Дрег, равно как и его сын, больше не обращал внимания на аманцев. Они отправились к каравану, вождь стал раздавать указания, Ведун забрался на повозку и тронул поводья. Лошади недовольно фыркнули и сдвинулись с места. А странная духота, повисшая в воздухе ранее, исчезла.

Всего на секунду, вдалеке, над тихой гладью гигантского озера, из золотистой дымки в вышине появились очертания скалы. Скалы, висевшей так высоко в небе, что казалось, никто и никогда не сумеет туда попасть. Потом этот тёмный образ вновь скрылся в густом тумане, оставшись незамеченным никем из каравана, ведь все слишком сильно устали. Дикие земли не щадили никого, даже тех, кто был в них рождён.

Палёный шёл пешком, ведя вороного коня под узду. Он удивился, когда сразу за воротами вновь встретил человека по имени Хелгран. Тот будто бы ждал парня, сложа руки на груди и облокотившись спиной о барьерную стену. Они не отрывали друг от друга подозрительных взглядов, а когда Палёный проходил мимо, то слышал сухой, скрипучий голос, задававший лишь один вопрос:

— Сколько вас?

В этом вопросе была угроза — и ничего больше. Сын вождя ответил так, как говорил отец:

— Нас ещё достаточно.

И ушёл.

А местные продолжили наблюдать.

Глава 2

— Крепче держи! Ай, Азара-мать, тяни сильнее!

— Да не тянуть надо, а раскачать опору, Крон. Угол слишком маленький, ты в землю упоры зарываешь.

— Поумничай мне ещё тут, пацан! Уж я палаток за жизнь поставил куда больше твоего! — Ведун был явно недоволен, однако совет Палёного принял и чуть отпустил канат, а потом снова потянул. — Давай! Раз, два, взяли!

Треугольная опора поддалась после пары таких раскачиваний и встала вертикально, удерживаемая в этом положении двумя канатами, привязанными к её вершине.

— Это шатёр, а не палатка, Крон, — говорил Палёный, пока наматывал сложный узел на оконечность штыря, вбитого глубоко в землю. — Он куда больше всех предыдущих.

Ведун сделал то же самое со своей стороны, а затем выпрямился, упёр руки в спину, чтобы эту самую спину размять, а в конце он довольно крикнул.

— Эх, сароват я уже такими вещами заниматься, пацан.

Палёный стал обтряхивать кожаный сюртук с подолом до колена, поправил стоячий воротник, а затем подошёл к старику ближе и протянул ему флягу, появившуюся из-за спины парня. Крон посмотрел на него странным взглядом, толковать который можно было по-разному: то ли злость, то ли страх, но скорее некая мысль, внезапно посетившая Ведуну племени. А мыслить Ведуну приходилось теперь постоянно, ведь лишь он мог дать людям ответы на вопросы о том, почему богиня поступила с племенем так, как поступила.

Он принял бутылку, постаравшись не касаться обмазанных чем-то чёрным перчаток парня, и отпил.

— Крон, я понимаю, что немногие хотят вести со мной разговор, и я тебе благодарен, но... Перестань называть меня пацаном. Мне уже давно не пятнадцать. Можешь звать Палёный, как и все. Я не обижусь.

— Не буду, Ге... Ай, зараза, смотри! У тебя узел не выдержал!

Они успели схватить канат до того, как восьмиметровая опора завалилась на одну сторону под весом обтянувшей её ткани.

— Давай лучше я завяжу.

— Я всё сделал правильно, — в тоне голоса Палёного слышались нотки злости, а его скулы напряглись. — Я умею вязать узлы.

— Я ни в чём тебя не виню, парень, — Крон же наоборот, был спокоен и задумчив. — Это всё штырь, посмотри. Головка слизалась, пока вбивали.

— А я не заметил.

— Перестань. С кем не бывало? Лучше пошли проверим, как там дела с той стороны.

Огромный шатёр загораживал собой по-весеннему яркое солнце, а брезент гулко хлопал на ветру, грозя вырвать оставшиеся опоры. Мужики подвязывали дополнительные канаты, чтобы усилить конструкцию, а светловолосая Айра, дочь погибшего конюха, погоняла лошадей, тянувших за собой громоздкую, крытую деревянным каркасом повозку.

Всюду росла высокая трава, ведь постой для экспедиций уже давно никто не посещал. Да и местные никого уже не ожидали и потому перестали следить за состоянием данных территорий форпоста. Когда караван прибыл, мужики из племени сперва попытались скосить захватившую площадку поросль мечами, но потом быстро поняли, что дело это глупое, трудозатратное и оттого бессмысленное. Поэтому было решено примять траву там, где планировалось разместить палатки, оставив лишь узкие тропинки, прорезать которые поручили немногочисленной детворе. Все свободные руки обязаны помогать — так уж теперь в племени заведено.

В центре постоя росла высокая, пережившая не один десяток зим ива, а вокруг неё раскинулись деревца поменьше, совсем ещё молодые. Трогать их никто не осмелился, ведь в диких землях нечасто можно встретить не то что леса, но даже маленькие рощицы — сполохи не дают жизни шанса. Поэтому все в племени с трепетом относились к каждому дереву и даже кусту, а ещё никто не хотел разозлить Азару-мать, губя то, что осталось от её трудов. Пусть Она и покинула этот мир давным-давно.

Детвора, по окончании порученных им работ, стала бегать вокруг ивы. Её листки, цвета выцветшего неба, тихо шелестели на ветру, показывая то одну, голубую свою сторону, то другую — серебристую. И это мельтешение создавало иллюзию того, что в кроне дерева кипит некая невидимая и почему-то почти бесшумная жизнь. Мальчишки прятались в траве, словно эту жизнь узрели, поняли, чего она хочет, и сражались с ней найденными непонятно где палками, как на мечях. Некоторые из них пытались карабкаться по стволу дерева, у кого-то даже получалось, а девочек нигде не было видно.

Палёный на ходу провёл ладонью по верхушке травяной стены, окружившей расчищенную для шатра поляну.

— Не нравится мне это место, — задумчиво протянул он. — Всё в любой момент может вспыхнуть.

Бедун усмехнулся в ответ:

— У нас достаточно вдохновенных, чтобы потушить любой пожар. Уж это мы, я надеюсь, научились делать.

После услышанного Палёный вдруг сжал кулаки, скрипнул зубами и будто бы весь напрягся.

— Ах, Азара-мать, я не то хотел сказать, — поспешил добавить Крон, когда заметил реакцию парня.

— Всё нормально, — выдохнул тот, сдержавшись. — Все теперь знают, что делать, если... Подожди, — он вдруг нахмурился от внезапной догадки, — отец велел тебе за мной следить?

— Никто не следит за тобой, парень. Брось эти дурацкие мысли. А я... Присматриваю за тобой, на случай, если тебе понадобится помощь. Не по чьей-либо просьбе и не по приказу вождя, а потому что ты — один из нас. А своим надо помогать.

— Верно. Один из вас... Но давно уже не «свой», — только и ответил Палёный.

Хмурое лицо Ведуна выдавало его несогласие со словами парня, однако говорить вслух он ничего не стал. Вероятно потому, что это уже была не первая попытка достучаться до сына вождя, объятого горем и неприязнью со стороны других в племени. А может, Крон посчитал, что сам виноват, поскольку поднял болезненную тему.

Он понуро покачал головой, когда взглянул на испачканные чем-то чёрным перчатки парня.

Шатёр обходили долго, ведь конструкция была действительно внушительной — чтобы никто снаружи точно не узнал о том, что происходит внутри. Они не стали проверять остальные канаты, увидев, как этим уже занялись другие, и пошли ко входу. К этому моменту Айре всё-таки удалось совладать с непослушными лошадьми, и они, наконец, согласились завезти повозку внутрь шатра.

— Ну вот, дотянули-таки, — довольно сказал Крон, провожая их взглядом. — Я всё в толк не возьму — как ты собрался доставить нас на остров? Что это за штуковина, которую ты придумал? И зачем нужен такой большой шатёр? Она ведь вон, в повозку одну поместилась.

— Пока не пришло время, лучше даже Ведуну об этом не знать.

— Да в курсе я, в курсе, парень. Глаз и ушей враждебных стало ещё больше, как только мы вошли за ворота, — он хмуро окинул взглядом лагерь, вероятно, высматривая эти враждебные глаза. — Надеюсь, твой друг «услышит», если в лагерь кто-то посторонний явится. Хотя сомневаюсь, что он помнит всех в племени на слух. Но пока что здесь точно все свои.

— Порой от своих тоже нужна защита... — Палёный сжал кулаки.

Крон это заметил и поспешил успокоить парня:

— Перестань. Богиня не просто так вдохнула в тебя свой дар. Без твоего вдохновения у нас бы не было шансов против этих пустынников. Вот только одна вещь мне непонятна — раз они уже неделю тут торчат, почему ещё не предприняли попыток добраться до острова?

— Кто их знает, — парень безразлично пожал плечами. — Отец сказал, раз не предприняли, значит у них что-то пошло не так.

— Интересно знать, что именно.

— Да, мне тоже любопытно. Но я должен заниматься моим... устройством, иначе мы тут застрянем так же, как и они.

Ведун хмуро о чём-то задумался, что с некоторых пор стал делать именно с таким выражением лица и никаким другим. Возможно, дома, а точнее, в собственной палатке, он думал с иным лицом, но на людях — только с таким.

А когда закончил хмурые измышления, то вновь обратился к Палёному:

— Ты прав, время поджигает. Помочь тебе с разгрузкой?

— Не нужно, — отмахнулся тот. — Чем меньше глаз видит мою работу, тем лучше. У меня уже есть помощник.

— Ты ему доверяешь?

— Орвину? Кто как не Ведун должен знать, что надёжнее в племени никого не найти. Не будь я в нём уверен, к устройству и близко бы не подпустил.

— Вождь тоже его одобрил, — задумчиво почесал седую щетину Крон. — Но боюсь, как бы это не потому, что помогать тебе должен хоть кто-то, а других желающих нет, сам понимаешь. Хотя если Верин прикажет, то им придётся подчиниться.

— Не хочу никого заставлять. Это не ускорит работу. Мне достаточно Орвина, и я ему доверяю.

— Как скажешь, — он хлопнул Палёного по плечу, остановившись у входа в шатёр. — Тогда я пойду, пожалуй. Мне ещё полуденную службу организовать надо.

— Где будешь её проводить?

— Под ивой. Могучее дерево, давно таких не видел.

— Да, мне оно напомнило о нашем деревенском дубе, — сказав это, Палёный расстроено и с глубокой досадой вздохнул.

— Жаль, верно, — Ведун тоже вздохнул. Расстроено и с досадой. Продолжил. — Столько лет тому дубу было... Ещё мой дед рассказывал, что часть Азары-матери сокрыта под его корой.

— Оказалось, там просто дерево, как и везде. И горит так же, как обычное дерево.

— Ну всё, парень, хорош хандрить. То дело было. Иди, собирай свою эту штуковину. Я замолвлю за тебя словечко перед богиней.

Палёный слегка улыбнулся в ответ. И эта улыбка Ведуну показалась вовсе не улыбкой, а ироничной усмешкой человека, не верящего в то, что его молитвы слышат. Он уже очень давно не видел сына вождя на службах, в то время, как сам вождь являться на них стал куда чаще. Возможно, угроза вымирания племени заставляла Верина искать ответы там, где искать их он не привык, а может, он просит богиню дать ему сил пережить трагедию, или вождь показывает пример остальным — никто не знал точно. Даже Ведун.

Он ничего не стал добавлять, лишь ещё раз хлопнул парня по плечу и ушёл в сторону стремительно растущего лагеря.

Постой был окружён трёхметровым деревянным частоколом, возведённым, вероятно, одной из предыдущих экспедиций, дабы сокрыть от посторонних глаз то, что они хотели сокрыть. По той же причине, для Диких наличие частокола стало сюрпризом приятным и полезным. С северной же стороны постоя высилась десятиметровая барьерная стена, защищав-

шая форпост от дикой эмирры и порождаемых ею сполохов. По совокупности этих причин лагерь было решено разбить именно здесь, хоть и пришлось переплатить градоначальнику за столь удобное место.

Глядя на всюду суетящихся соплеменников, глаз Палёного зацепился за Торена и Ворена — братьев-близнецов, выгружавших из кузнеческой повозки наковальню, что давалось им с огромным трудом. Он вдруг захотел помочь, однако совершенно точно знал, что от помощи его они откажутся.

Рядом с ними, в десяти шагах, старая Марга собрала вокруг себя четырёх девочек восьми лет и тихо что-то им рассказывала, держа в руке длинный пучок шерсти или льна — Палёный не знал точно, поскольку в этом не разбирался. Потом она отходила к веретену, стоявшему в прядильной — широкой палатке с откинутым пологом — закрепляла пучок на прялке и начинала плести нить.

Девочки не особо внимательно её слушали, часто зевали, но не уходили. Потому что прекрасно знали — взрослые сразу же найдут им другое занятие. Мальчишкам тоже не дали долго бездельничать. Крон поймал их бегающими вокруг ивы, заставив разносить столы и лавки в то место, где вождь приказал организовать полевую кухню.

Все должны вносить свой вклад — так уж теперь в племени заведено.

Скульптор с невыговариваемым, по мнению Палёного, именем подкатил телегу с водружённой на неё деревянной статуей богини к иве. Статуя была высокой, с два человеческих роста. Вырезал Азару-мать он долго, начинал ещё в деревне, когда деревня ещё стояла. Спас её из пламени, рискуя и сам сгореть заживо, а заканчивал работу уже в дороге. И вот, наконец, закончил. Сегодняшняя служба будет проходить под Её взглядом.

Но Палёный всё равно не собирался на неё идти.

Остатки ледящего зимнего ветра пробрались ему под сюртук. Парень весь съёжился, поднял ворот повыше и поспешил к шатру.

Кирен и Бон — двое могучих мужчин, относившихся к нему не менее пренебрежительно, чем остальные в племени, услужливо отогнули пологи входа. Но не для того, чтобы впустить в шатёр парня — они выпускали Айру, дочь погибшего конюха, ведущую под узду двух рыжих коней.

— А, Палёный, — сухо бросила она, завидев сына вождя. — Наконец-то мои лошадки отдохнут от этой твоей штуковины.

Он ничего не сказал в ответ. Только с досадой взглянул на округлевший живот старой подруги. Айра этот взгляд заметила, отбросила белокурую косу за спину и фыркнула, на манер, как это делали её гнедые. Палёный хорошо помнил те дни, когда они вместе с ней бегали вокруг деревенского дуба, пытаясь дотянуться до цветастых ленточек, коими взрослые обвязывали его ветви по праздникам. Снимать их, правда, по окончании торжеств всегда забывали, а когда наступал очередной праздник, просто меняли ленты на новые.

С годами Айра становилась всё краше, выразительнее, и Палёный это замечал.

Возможно, если бы он не стал Палёным, она бы выбрала его, а не лучшего воина племени?

Сын вождя мотнул головой, прогоняя из мыслей то, что давно уже было упущено. Какой смысл об этом думать? А за Айру он искренне радовался. Вот только этот её взгляд — будто всё хорошее, что было в прошлом, в какой-то момент вспыхнуло, оставив после себя лишь горький, сухой пепел. Голубые глаза дочери погибшего конюха отдавали безразличием и пробирающим до костей холодом.

А Палёный хотел, чтобы она продолжала. Правильно. Пусть смотрит только так. Пусть зовёт Палёным. Пусть напоминает. У неё есть на это право. Право не прощать.

Она ушла, бормоча под нос что-то неразборчивое, но совершенно точно обращённое к Азаре-дитя. А Палёный хотел проводить её хотя бы взглядом, но не позволил себе это сделать и поспешил скрыться под пологом шатра.

Глава 3

Он ощутил, как по лбу стекает далеко уже не первая капелька пота и поспешил стереть её тыльной стороной ладони. Его сюртук валялся на столе, поверх чертежей, давно уже ненужных, ввиду окончания работ над деталями устройства, изображёнными на них. Краешек бумаги выглядывал из-под ткани, открывая часть замысловатого рисунка чего-то очень похожего на лодку. Рубахи навывпуск и подкатанных до локтя рукавов было уже недостаточно, чтобы царившая в шатре духота оставалась терпимой.

Палёный отвлёкся от осмотра швов воистину гигантского полотна, раскинутого не только по столу, но и по значительной части пола, прошёл к плетёной веревке, уходившей куда-то вверх, и потянул. Кусок ткани под потолком шатра свернулся в рулон, открыв вид на ясное, постепенно вечерееющее небо, и заодно впуская внутрь свежий воздух.

— Вряд ли это поможет, Гел, — бросил светловолосый парень, занимавшийся тем же, чем и Палёный, сидя за столом на другом конце шатра.

Его полотно было чуть темнее, но не менее гигантским. Лёгкая, тонкая ткань скользила меж покрытых мозолями пальцев, иногда сжимавших её, чтобы проверить надёжность плетения нитей.

Будто бы выражая своё несогласие со словами товарища, Палёный обошёл повозку, стоявшую по центру шатра, взялся за ещё одну верёвку и открыл второе окно.

Не помогло. Прохладный воздух гулял поверху, не доходя до двух насквозь пропотевших парней, вынужденных работать в этих условиях, чтобы сохранить секрет их задумки.

— Будет ещё жарче, когда начнём разворачивать купола.

— А то я не знаю, Орв, — раздражённо ответил Палёный, после чего сжал кулаки, глубоко вздохнул и добавил:

— Извини. Просто устал с дороги. Так быстро лагерь мы ещё не ставили.

Орвин не держал обиды за внезапную вспышку друга и продолжал спокойно осматривать швы.

— Ну хоть бани в этом богиней забытом месте есть, — спокойно сказал он. — Не терпится уже закончить и смыть с себя всё это. К слову, Нателия с другими женщинами уже вернулась оттуда. Рассказала, когда ужин приносила. Говорит, место тихое, укромное. А вода ледяная. Не понимаю, как твой отец отпустил их туда. Да ещё и на чужой земле...

Палёный подошёл к столу, за которым работал Орвин и, аккуратно отодвинув полотно, присел на угол.

— Не переживай, Орв. Уж за кем, а за женщинами присматривают как следует. Не так много их у нас осталось.

Орвин отвлёкся от копания в складках ткани. Взгляд голубых глаз направился куда-то вперёд и в то же время в пустоту.

Сын вождя взгляд этот хорошо знал, поэтому дождался, пока друг закончит, и только тогда продолжил:

— Ну что, наслушался?

— Угу. Просто проверял, — с этими словами парень вернулся к работе с полотном, продолжая говорить:

— Вроде бы все наши на месте, но мне всё равно не по себе.

— Нателия не глупая, Орв. И до смешного осторожная.

Палёный усмехнулся, за что получил косой взгляд товарища, поэтому поспешил пояснить:

— Не будь она такой, то не выбрала бы самого дотошного парня в племени.

— Это я-то дотошный?

— Мы уже два раза проверяли полотно, а у нас ещё не готов раструб. На кой ты предложил снова этим заниматься? И не понимаю, зачем я тебя послушал.

— Ты сам откладывал проверку раструба на потом, Гел. Я здесь ни при чём. Торен сказал, что если и в этот раз ты покорёжишь корпус, то он лично отправит тебя в лоно богини и перековывать ничего больше не будет. Уверен, Ворен то же самое думает, просто молчит. Как и всегда.

— И тем не менее, они каждый раз помогают.

— Слово вождя — закон. У них нет выбора.

— Хочешь сказать, я навсегда останусь для них... Палёным?

Орвин ответить не успел, поскольку в этот момент земля под ногами вздрогнула, как от камнепада, отчего оба парня притихли и прислушались.

Палёный ощутил это уже в третий раз, и с каждым новым разом данный феномен интересовал его всё больше.

— Снова трясёт, — задумчиво сказал он. — Как будто гул из-под земли...

— Работать не мешает и ладно, — безразлично отмахнулся Орвин.

— И тебе не интересно, от чего это? Явление очень необычное.

— Эй, сосредоточься, Гел, — парень кивком указал на полотно, которым должен заниматься Палёный. — Если аманцы доберутся до острова раньше нас... Я должен обеспечить Нателии безопасность. А ещё не хочу всю жизнь быть бездомным бродягой.

— Да, неприятные реалии...

— Вот именно. У нас нет времени отвлекаться. Нужно закончить с Плавуном как можно скорее. Кстати, ты же не против, что я его так называю? Просто называть это прибором или устройством язык не поворачивается. Мы же столько времени и сил на него положили.

Палёный занял своё рабочее место, предварительно стерев со лба очередную партию щекочащих капелек пота, и ответил:

— Название подходящее. Я бы не сумел придумать лучше.

Орвин криво усмехнулся его словам:

— Ты так на все мои идеи реагируешь.

— Потому что они хорошие.

— Знаешь, от умнейшего человека в племени это звучит больше как издёвка, нежели похвала.

— Думаешь?

Орвин не ответил. Он вновь направил взгляд вникуда. На этот раз парень провёл в таком состоянии несколько больше времени. Настолько, что Палёный не дождался, когда он оттуда вернётся и спросил:

— Кого слушаешь, Орв?

— В данный момент — тебя, Гел.

— Не смешно.

— Я не шучу. В твоём сердце опять досада, — Орвин понимающе усмехнулся. — С Айрой пересёкся, да?

— Перестань это делать со мной, — в тоне голоса Палёного не слышалось раздражения. Скорее, он просил друга попридержать его вдохновение, поскольку в такие моменты ощущал себя перед ним совершенно безоружным и беспомощным. — Мне становится не по себе. Ты как будто знаешь больше, чем я сам.

— Нателия тоже вечно жалуется, — вновь усмехнулся Орвин. — Хоть её сердце я, порой, и не понимаю. Но такова моя доля, дружище. Богиня пожелала, чтобы я слышал сердца, вот и слушаю, — он чуть нахмурился и тихо добавил, — пока не засну.

Они продолжили работу в молчании.

Солнце опускалось всё ниже, темнота сгушалась, и вскоре Палёному пришлось отвлечься от полотна. Он прошёл к двум масляным лампам, висевшим на крючках, прибитых к опорному столбу шатра, и поднял перед собой ладонь. Сжал её в кулак, вытянув сложенные вместе средний и указательный. Поднёс их к фитилю.

Пахнуло озоном.

Меж пальцев на мгновение блеснула искра и погасла. Палёный нахмурился, глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь и повторил жест. В этот раз искра была не одна. Послышался лёгкий треск, будто кто-то натирал камень, а потом появился огонёк. Маленький и дрожащий, словно пламя свечи.

Парень поспешил поджечь им обе лампы, а затем встряхнул рукой, сразу же загасив сполох.

Он отнёс одну лампу к столу Орвина и тот коротко кивнул в благодарность. Однако Палёный почему-то не торопился возвращаться на своё рабочее место и задумчиво смотрел на пламя, запёртое за стеклом.

— Я слышу, ты хочешь что-то спросить, — тихо сказал Орвин.

— Орв... Ты же слушал сердца тех аманцев у ворот, когда мы прибыли?

Казалось, Палёного что-то беспокоит, однако лучший друг пока не мог понять, что именно. Он ответил так, будто этого беспокойства не заметил:

— Да, те ещё типы. Их сердца гордые, высокомерные. Честно говоря, я уж думал, что будет драка. Настроены они были серьёзно. А что?

— Среди них был один мужик. Мне он показался...

— Пустым? — перебил его Орвин, будто прочитал мысли друга. — Я не видел его, но слышал. И его сердце...

— С ним что-то не так?

— Оно слишком тихое. Его стук едва различим, будто ему плевать на всё. Я слушал сердца вождей, воинов, Ведунов, женщин, детей, даже в звериных сердцах есть нечто, что можно понять, а тут — ничего, кроме... — он замолк, стараясь подобрать нужное слово.

— Значит, что-то всё-таки есть?

— Жажда, Гел. Это нехороший человек. С ним лучше не связываться. А почему он тебя так заинтересовал?

— Просто... Он мне показался странным, — Палёный хотел, но всё же не стал раскрывать свои мысли другу, потому что и сам до конца не понимал, а что именно он увидел в глазах того аманца по имени Хелгран. Однако же его взгляд твёрдо отпечатался в памяти парня и почему-то пугал.

— Не бери в голову, Гел. Ты постоянно отвлекаешься. Я хочу поскорее закончить с куполами и пойти в баню. Не хотелось бы задерживаться тут до ночи.

— Да. Наверное, ты прав. Я слишком много об этом думаю.

— Не понимаю, почему ты вообще об этом думаешь?

Палёный не ответил, а Орвин проводил его взглядом, пока друг не принялся проверять полотно. Что-то в биении сердца сына вождя его товарищу не нравилось, однако что именно понять у него пока не получалось.

Снаружи становилось всё темнее, воздух в шатре постепенно наполнялся прохладой, а также запахом дыма и жареного мяса.

— Всё. Тут я закончил, — бросил Палёный вскоре, потирая пальцами уставшие глаза.

Орвин осмотрел последний шов, после чего они принялись складывать полотна в стопки, а затем водрузили их на повозку.

— Об острове думаешь?

— Как ты всё время угадываешь, Орв? Ты же не мысли читаешь.

— Это не вдохновение. Просто я слишком хорошо тебя знаю, — с усмешкой ответил Орвин, а потом посерьёзней, задумался и неожиданно сказал:

— Право дать имя неназванной земле принадлежит тому, кто первый на неё ступит. Как думаешь, кто из нас это будет? Твой отец?

— А ты бы хотел быть первым? — усмехнулся Палёный в ответ, однако вопрос его был скорее риторическим, что его понимающий больше остальных друг понял. — Мне, собственно, всё равно. Лишь бы племя обрело наконец дом.

— Слышу, что говоришь правду. Однако, умудряешься и врать одновременно. Тебе не всё равно.

— Я же просил прекратить.

— Ладно-ладно, не злись, — Орвин поднял ладони перед собой и улыбнулся. — Привычка у меня такая. И всё же... Все относятся к тебе так, как относятся.

— Да.

— И ты всё равно делаешь это для них. Не для себя.

— Верно.

— Почему?

— Потому что они заслуживают новый дом, — в голосе Палёного появилась некая усталость, и дальше обсуждать эту тему они не стали.

Орвин опустил взгляд в пол, а затем и вовсе прикрыл веки, будто находился в некоем трансе. Его следующие слова были наполнены беспокойством.

— Кирен недоволен решением вождя сюда прийти. Он старается уговорить сердце, но у него это плохо получается. За семью боится. Да и не один он такой. Они стараются никому не показывать свои сомнения, однако...

— Ты всё равно их слышишь.

Орвин пару мгновений молчал, будто решал, стоит ли говорить то, что ему хотелось сказать, а потом всё же ответил:

— Вождь поставил всё на твою задумку, вместо того, чтобы построить новый дом.

— Дом? Где, Орв? Где нам будут рады? В степях на востоке свои законы, там с чужаками разговор короткий, а нас слишком мало. С южанами — сам видел... Ни один аманский род не примет к себе беженцев с диких земель. А без родового имени ты там — никто. Строить поселение с нуля в диких землях, когда луносвет нам брать больше нигде — самоубийство. Других деревень больше нет, союзников — тоже. Так что нам ещё оставалось делать?

— Говорят, на западе, за морем, есть остров. Не какой-то там парящий, а самый обыкновенный. Добраться туда было бы куда проще, чем...

— Не веришь, что моё изобретение сработает? — поднял бровь Палёный. — Тогда зачем помогаешь?

— Я не говорил, что не верю. Азара-мать, Гел, делать мне больше нечего, как тратить столько времени на бесполезные затеи. А некоторые в племени считают её именно такой. Хоть ничего о ней и не знают.

— И всё же ты не веришь.

— Как и ты, — резче, чем планировал ответил Орвин, однако тон сбавлять не стал. — Слышу в твоём сердце сомнения всякий раз, когда мы работаем над Плавунуном. Если не уверен, тогда зачем это всё?!

Он смотрел на друга взглядом, который требовал... Нет, просил хоть какой-то уверенности, доказательств того, что всё не напрасно. Что племя выживет, что его Нателия будет в безопасности. Однако Палёный этого дать не мог. И Орвин это понимал, как никто другой.

И всё же он смягчился, когда осознал, что своим напором подточил и без того шаткую веру в себя товарища.

— Извини, Гел. Просто... Что будет с племенем, если мы вдруг провалимся?

В тот момент Орвин увидел тлеющую искру надежды в глазах друга.
Палёный ответил так, как говорил отец:
— Не провалимся. Не должны.

Глава 4

Той ночью впервые за долгое время можно было хоть ненадолго расслабиться. Не потому что племя наконец-то добралось до форпоста — угроз хватало и здесь. Отсутствие необходимости постоянно бдить над потоками дикой эмирры, на случай, если она приблизится к лагерю, снимало с вдохновенных часть обязанностей по поддержанию безопасности. За время путешествия по диким землям сполохи не раз возникали совсем рядом с местами ночёвки, даже повредили часть снаряжения — одну из повозок подкинуло метров на пять вверх, после чего она чуть не развалилась. Несмотря на сохранившийся каркас, её все равно пришлось бросить прямо там, поскольку чинить повреждённую ходовую часть было нечем. Вождь потом долго отчитывал вдохновенных, стоявших той ночью в карауле за то, что не заметили подкрадывающуюся к лагерю эмирру до того, как она стала сполохом. Благо, тогда никто не погиб.

Но здесь, за барьерными стенами, пусть и ненадёжными, местами с прорехами в отсеках для луносвета, можно было не думать о вездесущей невидимой угрозе, покрывавшей землю буквально всюду.

Несмотря на это, Палёный не спал. На него свалилась вся накопленная за длительное путешествие усталость, а его глаза слипались, но сон всё не шёл.

Он не стал закрывать окна на ночь, лежал на спине и смотрел на звёзды, переливающиеся, словно крошечные тлеющие угольки. Во всяком случае, ему они казались именно уголками и ничем иным. А когда тент шатра захлопал под натиском лёгкого, но настойчивого ветра, Палёному вдруг представилось, как небесные угольки вспыхивают от этого воздушного потока, бросая пламя буквально всюду.

По коже пробежали мурашки.

Сын вождя перевернулся набок и натянул покрывало повыше, до плеч, будто прятался от этого воображаемого огня. Взгляд его скользнул по повозке, нагруженной самыми разными деталями Плавуна. В основном это были части «корыта», как его называл он сам, пока не собранные в цельный каркас, ведь Торен и Ворен изготовили ещё далеко не всё, что требовалось. Рядом, аккуратно сложенные в большие стопки, лежали полотна, а также многочисленные связки канатов, сплетённых особым способом старой Маргой.

В отличие от остальных, швея охотно помогала и не задавала лишних вопросов, комментируя очередную просьбу всегда одинаково: «Надо так надо». Помимо прочего, среди деталей выделялся напоминающий трезубец раструб. Только колья этого трезубца были широкими, с небольшой дымоход, трубами, оконечности которых разнесены друг от друга на равное расстояние. По два метра на секцию и ещё два в высоту. И потому раструб занимал значительную часть повозки.

От этого вида в голове Палёного вспыхнула уже привычная мысль, терзающая его с тех самых пор, как он решил предложить свою идею вождю: «Я должен закончить любой ценой». Отец взглянул тогда на него строго, с непонятной сыну злостью, но, к его же удивлению, согласился. Возможно, хотел преподать урок? Ценой безопасности племени? Нет. Отец бы так не поступил. Так что же тогда это было? Почему он согласился?

Из мыслей его вывел не звук, не отблеск факела караульных, патрулирующих лагерь. Нет, это было нечто, что аккуратно касалось его нутра. Будто невидимое щупальце, решившее проверить, на месте ли эмирра вдохновенного парня. Кто-то изучал его эмировский след. Следил за ним.

Палёный вскочил. Сбросил покрывало и присел на край раскладного ложа. Потом прислушался к ощущениям.

Вдохновенные. Такие же, как он. Много. Не так много, как было раньше, и всё же племя оставалось сильным, а тех, в кого богиня вдохнула свой дар теперь было даже больше, чем

людей этим даром обделённых. В таком количестве эмирровых следов было невозможно разоб-
рать, кто конкретно им так интересуется сейчас.

Возможно, отец? Нет. Лишь однажды он заинтересовался даром сына. На тридцатый день
после трагедии, в которой вождь потерял дочь и жену. Отскорбев ровно столько, сколько нака-
зала в заветах богиня. Он подошёл к своему отпрыску и взглянул ему в глаза так, как никогда
прежде не смотрел. Тяжело, с запрятым где-то глубоко гневом — так напуганному маль-
чику тогда показалось. Отец положил руку ему на плечо и будто бы стал искать в эмирровом
следе сына нечто, чего там не нашёл. А потом начал учить терпению, сдержанности. Учил, как
никогда не выпускать гнев, агрессию, не давать волю злости.

Палёный навсегда запомнил те уроки, как запомнил и неукротимое буйство эмирры отца.
Следа, который он впредь никогда не ощущал, и даже не пытался к нему тянуться. Но сей-
час, щупальце, с интересом изучавшее его собственный эмирровый след, было не похоже на
отцовское.

От этой мысли Палёного пробрали мурашки. Он не умел узнавать каждого вдохновен-
ного племени, в отличие от тех, кого ставили в караул, и мысленно стал перебирать варианты
того, кто это мог бы быть.

А если не из племени?

Нет, шатёр стоит ровно в центре лагеря. Место постоя большое, не меньше двух сотен
метров в диаметре. С такого расстояния вряд ли можно «прощупать» вдохновенного. Лагерь
патрулируют караульные. Даже если кто-то чужой пробрался внутрь, его след бы уже учуяли.
Значит, кто-то из своих.

Орвин? Сомнительно. Он слушает сердца, это даёт ему куда больше информации о
людях. И засечь его вдохновение невозможно. К тому же, ночью Орвин предпочитает спать,
чтобы хоть временно не слышать.

Тогда кто?

Деревянный каркас раскладного ложа протяжно скрипнул, когда Палёный вставал. Он
уже потянулся к потухшей масляной лампе, стоявшей на полу у изголовья, но передумал.
Закатал рукава ночной рубахи, прикрыл веки и глубоко вздохнул, будто собирался с силами.
Потом вытянул руку перед собой на уровне живота ладонью вверх. Пальцы его задрожали,
когда послышался звук вырывающихся прямо из воздуха искр, и парень весь напрягся, изо
всех сил стараясь унять эту дрожь. Он делал это тысячу раз и прекрасно управлялся с огнём,
однако каждый раз его нутро предательски сжималось, а сердце ускоряло ритм, словно про-
исходит нечто неестественное, опасное. Несмотря на это, Палёный усердно старался держать
контроль, практиковался упорно и много, в глубине души опасаясь того момента, когда пона-
добится нечто большее, чем маленький огонёк. Огонёк, зажжённый сейчас в его ладони.

Он прошёл вдоль повозки, освещая себе путь дрожащим пламенем, и бросил мимолёт-
ный взгляд на аккуратно уложенные в ней части Плавуна. Затем посмотрел наверх, туда, где
под потолком шатра переливалось звёздами ночное небо. Сын вождя по-прежнему ощущал на
себе чьё-то дотошное щупальце, но к этому ощущению добавилось нечто ещё. Густой, вязкий,
насыщенный запах озона с нотками режущей нос пыли. Так пахнет эмирра. Не людская, тая-
щаяся в нутре вдохновенных, а грязная, покрывающая просторы всего мира, дикая.

— Что за... — тихо шепнул Палёный, а потом по его спине пробежали мурашки.

Он ощутил сполох. Совсем рядом, совершенно точно в пределах лагеря.

Сразу за этим начались крики. Неразборчивые, много. Люди кричали коротко, будто
отдавали какие-то команды, а невидимое щупальце внезапно отпустило его нутро.

Палёный поспешил к выходу, продолжая освещать себе путь маленьким огоньком, лежа-
щим на его ладони. Не успел он покинуть шатёр, как к крикам добавился высокий металличе-
ский звон — караульные били тревогу.

«Значит, не ошибся», — подумалось ему.

Дикая эмирра каким-то одной богине ведомым образом прошла барьерные стены и была уже в лагере. Он быстро встряхнул рукой, чтобы загасить пламя — не хватало ещё, чтобы её притянуло к шатру. Потом перешёл на бег и через пару мгновений оказался снаружи.

Воздух гудел и трещал от напряжения. В носу моментально начало свербить, будто вдохнул песка. Торен и Ворен сустились вокруг кузнечной палатки, спеша загасить все факелы поблизости — первое правило диких земель: не дай сполохам добраться до огня, иначе будет худо.

Люди действовали быстро, слаженно. Мужики повыбегали из палаток едва ли не в чём мать родила, а женщин видно не было — берегли, прятали, ведь не так много их в племени осталось.

Все бежали в сторону места, где постой огораживался от диких земель барьерной стеной, с противоположной стороны шатра. Палёный рванул следом, даже не подумав вернуться и хотя бы надеть сапоги. Он бежал по примятой траве, потом по свежевыкошенной тропе, где обрезанные почти под корень стебли кололи ступни, но парень не обращал внимания на боль.

В голове крутилась лишь одна мысль: «Нужно помочь!»

В какой-то момент он оступился, зацепившись ногой о собственную штанину, и упал наземь. Пробежавшие мимо него мясник Герен и его сын Крах лишь мельком взглянули на валяющегося парня и, признав в нём Палёного, побежали дальше. Пятнадцатилетний Крах было хотел помочь ему подняться, однако отец потянул его за плечо со словами:

— Он справится, идём. Нужно стеречь животину!

Палёному захотелось грязно выругаться на свою неосторожность, но он сдержался, потому что отец учил его этой сдержанности.

Затем он резко поднялся и побежал следом за мясником.

В темноте ночи было непонятно, что происходит. Впереди виднелась лишь тёмная десятиметровая громада барьерной стены и едва различимые силуэты палаток, подсвеченные звёздами. Луна сегодня не взошла, и потому стояла почти крошечная темнота.

Палёный обратил внимание на то, что свечения барьерной стены тоже нет. Но только в том участке, где она проходила вдоль постоя.

Вот и причина суматохи. Либо к форпосту принесло большой поток эмирры, либо кристаллов на этом участке стены было слишком мало, чтобы обеспечить надёжный барьер. А возможно, и то и другое сразу.

Размышлять об этом не имело смысла. Всё уже случилось, и теперь нужно постараться сдержать буйство божественной длани.

По обе стороны тропы шелестела высокая поросль травы, стебли которой метались и качались под натиском взявшегося не пойми откуда ветра, напоминая морскую волну. Мясник и его сын почти сразу пропали из виду. Возможно, свернули на другую тропу. Ту, что ведёт к курятнику.

Палёный бежал по ощущениям, туда, где совершенно точно буйствовал сполох. А потом он увидел вспышку.

Всё вокруг озарилось белоснежным светом, будто одновременно, всего на мгновение, зажглись и погасли тысячи свечей. Затем это повторилось. Второй, третий, четвёртый раз. Хаотично, без какого-либо ритма. Однако Палёный с каждой новой вспышкой начинал видеть всё больше. Ему удалось засечь сперва место, где эти вспышки происходят, а потом и сам их источник. У палатки вождя. Там, где уже собралась толпа мужиков, безрезультатно пытавшихся совладать со стихией.

Палёный ощущал сполох всем своим нутром, но не мог его увидеть, лишь то, что он порождает. Хаотичные линии молний, появляющиеся из некой точки в пространстве прямо у земли. Молнии били во все стороны, словно отгоняли любого, кто попытается приблизиться

к сполоху. Один такой разряд ударил в палатку неподалёку, после чего по её пологу занялся огонь.

Часть мужиков сразу же бросилась его тушить, а остальные продолжали неуверенно топтаться на месте, не зная, как подобраться к напасти. А подобраться было надо.

Сын вождя облегчённо выдохнул, когда в свете очередной вспышки среди остальных заметил фигуру отца.

На нём был неизменный белый с позолотой жилет, сшитый для него когда-то давно супругой. Вероятно, он так и не отошёл ко сну, ведь помимо жилета на вожде присутствовала рубашка, штаны и высокие, почти до колена, сапоги. Верин раздавал какие-то команды, а мужики один за другим разбегались, выполняя указания.

— Палёный? Ты на кой сюда прибежал?! — рявкнул здоровяк Кирен, стороживший днём шатёр.

Лицо его покрывал пот, а тёмные пряди волос прилипли ко лбу. Палёный рассмотрел это, когда между ними прошла очередная молния. В этот раз она протянулась куда дальше, чем прежде, норовя подобраться к поросли травы. Этого допустить было нельзя.

— Вали отсюда, пацан, пока ещё больше сполохов к тебе не притянулось!

— Кирен! — крикнул ему стоявший неподалёку Верин Дрег. — Брось эти суеверия, нам нужны все! Найди Крона, Ведун обязан быть здесь!

Тот недовольно нахмурился, но воле вождя подчинился и направился в сторону ивы, зыркнув на Палёного с прищуром, когда пробежал мимо него.

Шестеро мужчин окружили точку, откуда во все стороны продолжали разноситься неровные, рваные линии молний, каждая из которых норовила что-нибудь поджечь или того хуже — попасть в кого-то из людей.

Светловолосый Бон, одетый в одни лишь просторные шаровары, набрался смелости и попытался приблизиться к сполоху. Он сделал осторожный шаг вперёд, выставив перед собой ладонь. Затем второй, третий.

Следующая молния протянулась к нему так, словно сполох защищался, не позволяя никому к себе приблизиться. Каким-то чудом Бон сумел вовремя пригнуться и заряд рассёк пространство там, где мгновение назад была его грудь. В этот раз молния не погасла в ту же секунду. Она прошла дальше, к барьерной стене. Следом послышался треск, будто в холодный серый камень вонзили гигантскую кирку, а затем по лагерю разнёсся грохот. Стена буквально взорвалась в том месте, куда вошёл заряд, камни разлетелись в стороны мелкой галькой, норовя задеть любого, кто встретится на пути. Потерявшая часть нижних рядов кладка стала осыпаться сама собой. Поднялся жуткий грохот, а взявшийся не пойми откуда шквальный ветер только усиливал этот шум.

— Проклятье! — рыкнул отбежавший подальше от стены Бон. — Как к нему подобраться?

Вождь не стал ничего выдумывать. Отвечать на вопрос тоже не стал. Он выпрямился, сжал кулаки и уверенным шагом пошёл к сполоху, игнорируя смертоносные вспышки.

Палёный знал этот его взгляд — с таким взглядом отец принимал самые трудные решения, бросался в огонь и в бой. Он промолчал, потому что вождя уже окликнули другие.

— Верин, ты что творишь? — сквозь ветер заорал подоспевший Крон, на ходу затягивая кожаный ремень поверх серой рясы.

Тот не ответил и продолжил идти, протянув ладонь к пустоте, наполненной дикой эмирой. Молния прошла совсем рядом с ним, ударив в палатку, которую другие только что потушили. Затем тонкая линия света изогнулась и всё же коснулась вождя, скользнув по груди. Верина отбросило назад, словно куклу, и Палёный рванул к нему.

Вождь распластался на земле и глухо зарычал:

— Проклятье!

Затем лёг набок и попытался подняться. Сын добежал до него первым и помог встать, держа под локоть.

— Пап, ты как? — Палёный старался сохранять спокойствие в голосе, как учил отец, однако это у него выходило не очень убедительно.

— Не убило и ладно, — ответил Верин, а затем посмотрел на обгоревшую прогалину в жилете и как-то несвойственно ему нахмурился.

Палёный тоже посмотрел, но говорить ничего не стал. Он понимал.

— Ты в лоно богини решил отправиться раньше времени? — спросил добежавший до них Ведун. — Здесь луносвет нужен!

— Нет. Надо беречь запасы, на случай если... — Верин не договорил и бросил мимолётный, неосознанный взгляд на сына, а затем резко сменил тему. — Крон, тебе есть что поведать нам?

Нельзя терять лицо. К этому моменту к ним подоспели ещё четверо, в том числе Кирен и Бон.

— Не знаю, вождь, — ответил Ведун. — Никаких знаков не было. Думается мне, это испытание богини.

— Очередное? — с нескрываемым скепсисом поинтересовался Кирен. — Сколько уже можно? Ты уверен, что правильно всё понимаешь, Крон?

В этот момент послышался новый грохот — очередная молния ударила в стену и вокруг разлетелась мелкая галька. Все лишь прикрыли лица ладонями, но с места не сдвинулись.

— Сейчас не время, — Верин посмотрел на Кирена строго, с приказом в глазах, и тот отступил, скрипнув зубами.

Вождь продолжил:

— Сильный сполох, но мы и не с такими справлялись. Нужно как-то пробиться к нему. И лучше никому больше сюда не приближаться. Бон, оповести остальных, чтобы не совались к нам. Если кто боится — успокой. Скажи, у нас всё под контролем. И надень уже что-нибудь.

— Да, вождь, — с этими словами одетый в одни шаровары мужчина удалился.

— Вы, — Верин обратился к двум мужам, имена которых Палёный не помнил, — найдите градоначальника. Кто знает, где его искать среди ночи. Разделитесь, так будет быстрее. Сообщите о прорыве стены.

Те кивнули, давая понять, что приказ поняли и тоже убежали.

— Что будем делать, вождь? — хрипло поинтересовался Кирен, невольно пригнувшись, когда неподалёку вновь пронеслась очередная молния. — Может, водой его? Как тот, что Палёный тогда устроил.

В этот момент сын вождя сжал в кулаки обезображенные ожогами ладони, а затем прикрыл веки и стал глубоко дышать, чтобы успокоиться. Он промолчал.

— У тебя что, совсем мозгов нет? — ответил Кирену Крон. — Это ж не огонь! Такой здоровый, а мыслишь, как пацан недалёкий.

Палёному показалось, что Ведун намеренно его защищает, и ощутил стыд. Однако Крона он поддержал, сказав:

— Всё верно. От воды только хуже будет.

Внезапно яростный ветер подул вновь, растрепав тёмные локоны парня и бросив в лицо мелкие крупы земли, отчего ему пришлось прикрыться рукой. По телу прошла волна мурашек, но не от мерзкого скрежета песка на зубах. Он ощутил густой запах озона с нотками пыли и обернулся туда, куда обернуться ему подсказало нутро. Все присутствующие сделали то же самое, поскольку и они это ощутили.

Барьерная стена уходила на добрую сотню метров на север, до частокола, окружавшего лагерь. Дальше уже шли жилые дома местных. И в том месте, где заканчивалась территория постоя, серый камень стен стал озаряться алым свечением, исходящим откуда-то снизу. С

такого расстояния не было видно, откуда именно, но суть явления все уже осознали. Ещё один сполох.

Вновь зазвучал сигнальный колокол — караульные тоже почуяли.

— Проклятье, — рыкнул Кирен себе под нос.

— Азара-мать... — сжав зубы, процедил Верин Дрег.

— Вот сука! — выругался Ведун, за что поймал удивлённые взгляды всех троих соплеменников. — Что? Богиня задолжала нам своей милости — стерпит.

Вождь нахмурился внезапному порыву Крона, однако и сам ощущал бурлящую злость, затаившуюся в груди. Но выпустить себе её позволить не мог и потому спокойно сказал:

— Кирен, Крон — вы займётесь этим, с молниями, — и будто протестуя его словам, очередной разряд ударил в землю рядом с ним, осыпав всё вокруг сырым грунтом.

Верин Дрег не шелохнулся.

— Сделаем, — кивнул Ведун.

— Я пойду помогу там, найду кого-нибудь по пути себе в помощь, — продолжал говорить вождь. — А ты... — он обратился к Палёному.

— Отец, я пойду с тобой. Ты еле на ногах стоишь.

— Нет, — Верин чуть пошатнулся, но быстро взял себя в руки. — Помоги им здесь. Но не суйся к сполоху, ты нужен, чтобы попасть на остров.

— Тогда пусть отправляется в свой шатёр, там безопаснее, — встрял Кирен.

Вождь нахмурился на пару мгновений, будто бы данная мысль была действительно лучшим решением. Ясное дело, суеверный Кирен просто хотел поскорее избавиться от Палёного, однако и доля правды в его словах присутствовала. Верин мотнул головой, чтобы отбросить сомнения, а заодно унять головокружение, вызванное пойманной им недавно молнией.

— Сын, — обратился он к парню, положив ладонь ему на плечо, словно хотел поддержать.

И всё же в его взгляде этой поддержки Палёный не увидел. Лишь тень сомнения и спрятанный где-то глубоко гнев. Следующие слова отца показались ему очередным уроком.

— Без тебя они не справятся.

Палёный заметил, как в этот момент Кирен закатил глаза.

— Не слушай, что говорят другие, — продолжал Верин так, будто затылком заметил этот пренебрежительный жест. — Ты — Дрег. Покажи, что достоин этого имени.

— Да, отец.

Услышав эти слова, вождь сразу же отпустил его плечо и ушёл в сторону постепенно разраставшегося алого сияния на окраине постоя.

— Ну, что делать будем? — поинтересовался Крон, когда все трое обернулись к продолжающему бушевать сполоху.

— Мне нужно вернуться в шатёр, — задумчиво проговорил Палёный, после чего развернулся и уже намеревался уйти, когда услышал наполненные презрением слова Кирена:

— Скатертью дорога.

Парень остановился и, не оборачиваясь, тихо бросил через плечо:

— Сдержите сполох любыми средствами до моего возвращения.

— Так и скажи, что струсил. Как и всегда...

— Замолчи, Кирен, — одёрнул его Крон, а затем крикнул удаляющемуся Палёному. — У умнейшего человека в племени наверняка есть план, верно же?

Он не остановился и ответил себе под нос:

— Да. У меня есть план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.